

АЗІАТСКІЙ СБОРНИКЪ

Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ

Новая серія

1919

MÉLANGES ASIATIQUES

tirés

du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie

Nouvelle Série

ПЕТРОГРАДЪ

PETROGRAD

Русскіе архивные документы по сношеніямъ
съ ойратами въ XVII и XVIII вв.

В. Л. Котвича.

(Представлено академикомъ С. Ѡ. Ольденбургомъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 2 апрѣля 1919 года).

III.

Г. Документы ойратскихъ владѣльцевъ.

По прибытіи ойратскихъ посольствъ въ Москву первый почти стереотипный вопросъ, которымъ ихъ встрѣчали въ Посольскомъ приказѣ, былъ такой: «Съ чѣмъ они къ государю пріѣхали, грамоты съ ними къ царскому величеству и сверхъ грамоты рѣчью приказъ есть ли». И на это первыя посольства давали также почти стереотипный отвѣтъ: грамотчиковъ у нихъ въ ихъ землѣ нѣтъ и писать не умѣютъ и съ ними потому и грамоты къ царскому величеству нѣтъ, а что съ ними къ государю словесный приказъ, и они то объявятъ¹.

Первое упоминаніе объ отправкѣ ойратами письма относится къ 1636 г., когда уже начались сношенія между Тобольскимъ воеводою и Батурь-хунтайджиемъ², но письмо это, повидному, осталось въ Тобольскѣ. Съ этой поры не только начинаются довольно частыя упоминанія объ ойратскихъ письмахъ, но попадаютъ изрѣдка и самыя письма. Сохранились они однако за XVII в. въ сравнительно небольшомъ количествѣ, при чемъ большую сохранность имъ обезпечивалъ, видимо, архивъ Сибирскаго приказа³.

¹ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., калм. дѣло, 1618, № 2, генв. 12, лл. 25—26; см. также 1619, № 2, ноябрь 23, л. 7; 1620, лл. 24—25; 1621, № 2, февр. 3, л. 9.

² Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., упомянутая выше записная книга 1636—37 гг., л. 2; Моск. Арх. М. Ю., Сиб. прик., столб. 455, докладная выписка 1637 г.

³ Первое упоминаніе о сохранившихся подлинныхъ «листахъ» татарскаго, калмыцкаго и мунгалскаго письма въ Моск. Архивѣ М. Ю. принадлежитъ Н. Н. Оглоблину (Обозрѣвіе, 1900, III, стр. 42—43), но оно до сихъ поръ не привлекало къ себѣ вниманія специалистовъ.

Наибольше старыми из числа сохранившихся являются две записки, полученные от Чокуръ-тайши в 1642 г.; они написаны на клочках бумаги, без печати, неуклюжею рукою на монгольскомъ языкѣ съ соблюденіемъ всехъ тѣхъ особенностей, которыя имѣло монгольское письмо до измѣненій, произведенныхъ при манжурахъ въ Пекинѣ. Находятся они въ столбцѣ 455 (6499) Сибирскаго приказа, въ которомъ сохраняются и всѣ другія письма, полученные изъ ойратскихъ кочевьевъ за время до 1653 г.

За исключеніемъ записокъ Чокуръ-тайши, всѣ эти письма написаны, согласно указаніямъ документовъ столбца, «погайскимъ (татарскимъ) письмомъ» на «татарскомъ языкѣ», который оказался средне-азиатскимъ (чагатайскимъ) съ нѣкоторыми мѣстными особенностями¹. Четыре изъ этихъ писемъ исходятъ отъ Батуръ-хунтайджія; они получены в 1642, 1644, 1645 и 1651 гг., написаны неуклюжимъ арабскимъ письмомъ и изяществомъ стиля не отличаются. Только внизу письма 1644 г. имѣется прямоугольная печать съ неразборчивыми надписями на 4 языкахъ: санскритскомъ, тибетскомъ, китайскомъ и монгольскомъ.

Въ томъ же столбцѣ 455 (6499) имѣется нѣсколько писемъ сибирскихъ царевичей Девлетъ Кирея и Бугая, проживавшихъ въ ойратскихъ кочевьяхъ; они также написаны по-чагатайски, но вполне опытною рукою и хорошимъ стилемъ. Одно письмо — «челобитная» исходитъ отъ Бухарскаго хана («царя») Имамъ-кули.

Въ 1644 г. Батуръ-хунтайджи сдѣлалъ попытку писать по-монгольски и одновременно съ упомянутымъ «татарскимъ» письмомъ прислалъ «калмыцкое», которое также было препровождено въ Москву². Здѣсь однако не нашлось лицъ, знающихъ монгольскую грамоту, и листъ Батура такъ же, какъ записки Чокура, не могли быть переведены. Въ виду этого въ грамотѣ 7 августа 1644 г. Тобольскому воеводѣ было предложено сообщить Батуру: «Какъ онъ контайша впередъ учтетъ къ вамъ в Тоболескъ посланниковъ своихъ присылать и о какихъ дѣлахъ лучится ему в Тоболескъ писать и онъ бы контайша присылалъ къ вамъ въ Тоболескъ листы татарскимъ письмомъ, а колмацкимъ письмомъ в Тоболескъ листовъ не присылалъ для того, что колмацкаго письма и на Москвѣ перевести нѣкому»³. Такой совѣтъ оказалъ свое дѣй-

¹ Этими свѣдѣніемъ я обязанъ А. И. Самойлову, который ознакомился съ «татарскими» документами Моск. Арх. М. Ю. въ ноябрѣ 1918 г.

² Этого «калмыцкаго» письма (въ то время оно могло быть написано лишь общемонгольскими буквами) въ архивахъ не оказалось.

³ Моск. Гл. Арх. М. И. Д., калм. дѣло, 1645, лл. 72—73; въ этомъ дѣлѣ имѣется хорошая копія съ грамоты; черновикъ же, въ менѣе удовлетворительномъ состояніи, находится въ столбцѣ 455 Сиб. приказа.

пить въ волю¹ (т. е. да подчинится) вѣры побѣдоноснаго Будды!» съ примѣсью нѣкоторыхъ калмыцкихъ (ойратскихъ) буквъ, изобрѣтенныхъ въ 1648 г., на второмъ сплошь калмыцкими:

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ «...»
 بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ «...»

— «Вѣра Побѣдоноснаго острымъ гремящимъ голосомъ глубокихъ взглядовъ бѣлаго льва, пребывающаго на вершинѣ снѣжной горы и обладающаго силою благодатной проповѣди, да излѣчитъ заблужденія (?)² еретиковъ, говорящихъ ложно!»

Здѣсь мы имѣемъ древнѣйшіе образцы калмыцкаго письма послѣ произведенной Зая-пандитою въ 1648 г. реформы монгольскаго алфавита, и они будутъ имѣть важное значеніе для рѣшенія спорныхъ вопросовъ калмыцкой палеографіи.

Обращаютъ на себя также вниманіе имѣющіеся на письмахъ оттиски, красною кинноварью, печатей квадратной формы 3 размѣровъ: 11,7, 6,2 и 3,7 смм. Первыя двѣ — съ тождественною надписью квадратными тибетскими буквами, какія имѣются и на современныхъ печатяхъ Далай-ламы³, на тибетскомъ языкѣ; малая печать — съ 6 буквами индійской ланджи: «маңгалам».

Слѣдующее въ хронологическомъ порядкѣ письмо находится въ Гл. Арх. М. Ин. Д.⁴ Оно прислано въ 1675 г. Очирту Цэцэнъ-ханомъ (въ документахъ Учурты или Учурты-ханъ), который поддерживалъ съ Россією (такъ же, какъ и съ Пекиномъ) оживленныя сношенія⁵. Написано по-калмыцки⁶.

¹ Слово *وئولو* я читаю «бах(а)ду» — «въ волю», допуская возможность пропуска буквы а; въ противномъ случаѣ нужно было бы читать «бакту» — въ садъ (вѣры).

² Слово *بختننگس* въ этой формѣ представляется непонятнымъ.

³ А. Н. Francke. Note on the Dalai Lama's seal and the Tibeto-Mongolian characters (Journ. R. As. Soc., 1910, pp. 1205—1214). Образцы этихъ писемъ извѣстны и изъ другихъ мѣстностей (Ладакъ, Бурианъ): Francke. Ein Siegel in Tibeto-Mongolischer Schrift von Bhutan (Zeits. D. Morg. Ges., 64, S. 553—554). Встрѣчаются они въ буддійскихъ храмахъ Алашани и вообще Южной Монголіи (по сообщенію Хамбо Агвана Доржіева), а также въ буддійскомъ храмѣ въ Петроградѣ.

⁴ Мунг. дѣло 1675 г., сент. 24, л. 27.

⁵ Это хохутскій князь, сынъ Байбагуса, братъ упомянутаго выше Аблай-тайши (въ документахъ Облай). Онъ именуется въ литературѣ еще Очирту-ханомъ (Позднѣвъ. Эрдэнийнъ-эрихъ, стр. 175—176) или Цэцэнъ-ханомъ (онъ же, Къ исторіи эюнгарскихъ калмыковъ, стр. 240, 244—245), при чемъ иногда смѣшивается (какъ это сдѣлано въ послѣдней статьѣ) съ Цэцэнъ-гайджіемъ, сыномъ Батуру-хунтайджи. Ср. Бартольдъ. Очеркъ исторіи Семирѣчья, стр. 166, 93. Объ этомъ князѣ см. Лыткинъ. Матеріалы для исторіи ойратовъ (Астр. губ. вѣд., 1860, №№ 45 и 46).

⁶ Не лишнее упомянуть, что къ тому же 1675 г. относится и древнѣйшее, сохранившееся въ томъ же архивѣ письмо, которое было получено отъ восточныхъ монголовъ

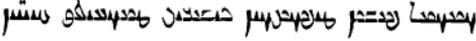
Послѣ этого идутъ 4 небольшихъ листа калмыцкаго письма, полученные въ Тобольскѣ изъ ойратскихъ кочевьевъ одновременно въ январѣ 1686 г. Два изъ нихъ исходили отъ Галданъ-хунтайджія, именовавшагося Бошокту-ханомъ; они датированы «модун укер», т. е. 1685 г. Два другихъ были присланы сыномъ Сэнгэ — Соном-Арабтаномъ (именуется Арептаръ) и Номынъ-ханомъ (Номыханъ). На письмахъ Галдана имѣются красные оттиски прямоугольных (почти квадратныхъ) печатей съ квадратными письменами, но различнаго типа; на одной печати письмена тибетскія, сходныя съ имѣющимися на печатяхъ Аблая. На печатяхъ Арабтана и Номынъ-хана письменъ не имѣется. Всѣ листы сохранились въ ст. 993 (7038) Сиб. приказа.

Отъ Галдана сохранились и другіе листы. Въ столбцѣ 1180 (7226) Сиб. прик. имѣются также два его письма¹, по гораздо болѣе торжественнаго вида: большія размѣровъ и съ цвѣточнымъ орнаментомъ 3 цвѣтовъ (краснаго, синяго и зеленаго). Они были присланы въ 1691 г. Печати на листахъ съ тибетскими квадратными письменами. Отъ того же года сохранились въ ст. 544 Сиб. прик. 3 небольшихъ калмыцкихъ записки посланца Галдана — Ачинъ-кашки.

Къ этимъ документамъ непосредственно примыкаетъ въ хронологическомъ порядкѣ (1693—1696 г.) коллекція листовъ, имѣющаяся у пишущаго эти строки, о чемъ уже упомянуто выше: они исходятъ отъ самого Галдана и его подручныхъ и только одно — отъ Цэванъ-Рабтана, именовавшагося Эрдэни-дзорикту-хунтайджи (въ русскихъ документахъ — Журукты, Ирдэни Журукты и даже Ирдэнь-Юракта, а иногда просто — контайша).

Въ столбцѣ 927 (6972) Сиб. прик. имѣются еще два письма² Цэванъ-Рабтана, къ сожалѣнію, крайне ветхія; хорошо сохранились лишь прекрасные оттиски печатей (на одномъ краснѣй, на другомъ чернѣй). Они относятся, видимо, къ 1695³.

XVIII в. представленъ въ томъ же архивѣ большимъ количествомъ ойратскихъ листовъ. Три изъ нихъ, исходившихъ отъ Цэванъ-Рабтана,

на монгольскомъ языкѣ, именно отъ Вачирай тушету-хана (въ русской оффиціальной перепискѣ — Очирой-ханъ) . См. Мунг. дѣло, 1675 г., № 1.

¹ Оглоблинъ. Обзоріе, III, стр. 43, говоритъ только объ одномъ письмѣ Бошокту-хана въ ст. 1180.

² Въ этомъ столбцѣ Оглоблинъ (ibid.) разглядѣлъ также только одно письмо. Въ виду ветхости писемъ я не рѣшился пока ихъ развертывать.

³ За время съ 1689 г. въ Моск. Гл. Арх. М. П. Д. сохранилось много документовъ на калмыцкомъ языкѣ отъ Аюки и различныхъ калмыцкихъ тайшей, но рассмотрѣніе ихъ не входитъ въ задачи настоящей статьи.

были изданы А. М. Позднѣевымъ въ приложеніи къ упомянутому выше труду Н. И. Веселовскаго о посольствѣ капитана Унковскаго безъ описанія ихъ красиваго внѣшняго вида¹.

Разсмотрѣніе ойратскихъ и калмыцкихъ писемъ XVII и первой половины XVIII в.² показываетъ, что всѣ они, за исключеніемъ одной лишь помѣщенной выше приписки буддійскаго характера на письмѣ Аблай-тайши 1662 г., основываются на живомъ произношеніи и совершенно лишены тѣхъ архаизмовъ, которыми пестрятъ буддійскіе переводы Зая-пандиты и подъ ихъ вліяніемъ также и почти вся позднѣйшая ойратская письменность. Такимъ образомъ искусственный характеръ всѣхъ этихъ архаизмовъ съ самаго начала названной письменности можно считать теперь установленнымъ.

Интересный памятникъ ойратскаго языка конца XVII ст. хранитъ въ себѣ столбецъ 544 (6569) Сяб. прик. Въ 1691 г. Иркутскому воеводѣ Леонтію Кислянскому пришлось вести переговоры съ прибывшими въ Иркутскъ посланцами Бошокту-хана, и результатомъ этого явился подробный отчетъ (статейный списокъ) объ этихъ переговорахъ, при чемъ въ него, помимо обычнаго перевода на русскій языкъ, была включена и русская транскрипція («переводъ») одного письма на имя царя и двухъ словесныхъ меморандумовъ (также съ письменнаго текста). Къ сожалѣнію, подлинныхъ документовъ обнаружить не удалось, но по всѣмъ видимостямъ транскрипція преведена тщательно и въ общемъ довольно удачно. Она тоже подтверждаетъ выводъ объ искусственности архаизмовъ буддійской литературы ойратовъ³.

Особый видъ документовъ представляютъ такъ называемыя шертныя или шертвальныя записи, и въ Арх. М. Ин. Д. предполагалось образовать изъ нихъ даже особый отдѣлъ⁴. Въ дѣлахъ XVII в. имѣются частыя упо-

¹ Подлинныя письма находятся въ зюнг. или конт. дѣлахъ 1721, № 1, и 1724 г., №№ 1 и 2.

² За XVIII в. я имѣлъ возможность ознакомиться въ Москвѣ только съ письмами, привезенными ойратскими посланцами, приѣзжавшими въ 1724 г. съ капитаномъ Унковскимъ и въ 1733 г.—съ майоромъ Угримовымъ.

³ Можно предполагать, что эти документы были писаны не ойратскимъ, а тибетскимъ письмомъ, и что именно этому обстоятельству мы обязаны транскрипціею документовъ. Правда, въ ст. 544 на это нѣтъ указаній, но что Галданъ прибѣгалъ къ такому способу письма, извѣстно изъ опубликованнаго въ Доп. Акт. Ист. (т. XI, стр. 237) документа, въ которомъ упоминается «письмо не мунгальское тангункое» (Ср. Cahen, Histoire des relations de la Russie avec la Chine, p. 137, note 5). Небольшой образецъ такого же письма (въ подлинникѣ) содержится въ М. Г. Арх. М. И. Д. въ мунг. дѣлѣ 1675 г., сент. 24, № 2, л. 48). Такимъ образомъ примѣненіе обыкновеннаго тибетскаго письма къ монгольскому яз.— столь обычное въ настоящее время — началось еще въ XVII ст.

⁴ Въ этотъ отдѣлъ архивистъ, повидимому, желалъ включить иодлинныя шертныя записи, но въ дѣйствительности тамъ имѣется даже мало списковъ съ записей; большую часть туда попали отпуски грамотъ русскихъ царей и листы ойратскихъ (точнѣе, калмыцкихъ) тайшей. Реестръ этого отдѣла указанъ ниже.

минанія о томъ, что тотъ или иной ойратскій владѣлецъ, обыкновенно черезъ своихъ пословъ, «правду далъ, шерть учинилъ», но дѣлалось это исключительно словесно, и только иногда для приносившаго шерть заготовлялся заблаговременно текстъ шерти, и такіа шертныя записи только и встрѣчаются въ ойратскихъ дѣлахъ. Въ сношеніяхъ съ волжскими калмыками и съ Алтынъ-ханомъ примѣнялись шертныя записи, какъ письменныя обязательства, скрѣплявшіяся ихъ подписями¹.

Документы ойратскихъ владѣльцевъ обыкновенно сопровождаютъ въ архивныхъ дѣлахъ переводами съ указаніемъ именъ переводчиковъ. Въ этомъ однако отношеніи русскія власти часто оказывались въ очень затруднительномъ положеніи вслѣдствіе отсутствія лицъ, знающихъ монгольскій языкъ. При устныхъ сношеніяхъ дѣло устранивалось при участіи татаръ, «бухарцовъ» или «тезиковъ», всегда находившихся и въ русскихъ городахъ и въ ойратскихъ кочевьяхъ съ торговыми цѣлями. Очень часто они выступали въ роли не только толмачей, но и официальныхъ представителей той и другой стороны. Такъ, первое ойратское посольство, прибывшее въ Москву въ 1607 г., состояло исключительно изъ «калмыцкихъ татаръ»; присылались они и въ послѣдующее время, хотя чаще посланцами являлись природные ойраты. Русскіе, съ своей стороны, широко пользовались въ этомъ отношеніи «юртовскими служилыми татарами» и, слѣдуя видимо обычной системѣ использованія въ Сибири услугъ инородцевъ, посылали въ ойратскія кочевья обыкновенно двухъ человѣкъ: русскаго и татарина².

По той же причинѣ и письменныя сношенія первоначально производились обѣими сторонами на татарскомъ³, т. е. чагатайскомъ, языкѣ, хотя изрѣдка примѣнялся и «оарсовскій» (персидскій) языкъ. Однако, когда среди ойратовъ упрочилось знаніе собственной письменности, они стали пользоваться ею и для сношеній съ русскими. При полученіи подобныхъ писемъ дѣло осложнялось вслѣдствіе отсутствія среди татаръ лицъ, знавшихъ монгольское или калмыцкое письмо, и Тобольскому воеводѣ, который первый сталкивался съ затрудненіями въ этомъ дѣлѣ, приходилось прибѣгать къ услугамъ по крайней мѣрѣ 2 лицъ: одно лицо, какъ гласятъ иногда при-

¹ Шертныя записи, подписанныя калмыками, имѣются, напр., въ калм. дѣлѣ 1660 г. дек. 7—сент. 1661 г. (списокъ) и въ калм. книгѣ 1672 г. сент. 14—1673 г. март. 1 (подлинникъ). Списокъ съ шертной записи Алтынъ-хана см. Нам. Сиб. ист. XVIII в., I, стр. 168—172.

² Результатомъ посредничества татаръ въ сношеніяхъ съ ойратами явилось то, что многія собственныя ойратскія имена являются въ документахъ въ нѣсколько отуреченной формѣ. Таковы, напр., Контайша, Каракула, Кашка, Кутухта, Чокуръ, Черень, Яйванъ (на ряду съ «айсанъ»). Этимъ же объясняется систематическое именованіе ойратовъ «калмакъ», «калмыкъ».

³ Ср. В. В. Бартольдъ, *Исторія изученія Востока въ Европѣ и въ Россіи* (СПб. 1911), стр. 159.

писки на переводахъ, толмачило (очевидно, со словъ посланца), а другое переводило. Составлявшіеся при такихъ условіяхъ переводы, конечно, далеки отъ совершенства въ отношеніи и точности и удобопонятности. Иногда однако и этотъ способъ не давалъ желательныхъ результатовъ, вѣроятно, потому, что не всегда ойратскіе посланцы были люди грамотные, и тогда ойратская грамота отправлялась въ Москву въ Сибирскій приказъ безъ перевода. Были случаи, напр., въ 1640 г., когда въ Тобольскѣ оказывалось невозможнымъ перевести и татарскую грамоту («ногайскаго» письма).

Сибирскій приказъ долгое время не имѣлъ собственныхъ переводчиковъ, и ему приходилось посылать не переведенные грамоты въ Посольскій приказъ, въ которомъ по штату полагались переводчики и толмачи какъ европейскихъ, такъ и нѣкоторыхъ восточныхъ языковъ (въ XVII в. переводчики турскаго, татарскаго, арапскаго, еарсовскаго, грузинскаго; толмачи еще ногайскаго и хивинскаго)¹. Въ архивныхъ дѣлахъ встрѣчается немало памятей Сибирскаго приказа съ просьбою о переводѣ ойратскихъ или монгольскихъ грамотъ². Попадаются и небольшія записки объ отсылкѣ грамотъ для перевода; вотъ текстъ одной изъ нихъ: «181 го генваря въ 8 де по указу великого государя посланы изъ Сибирскаго приказу въ Посольской приказъ для переводу два листа мугальскіе присылки прошлыхъ годовъ да 179 году августа 27-г числа присылки изъ Дауръ китайскій листь». Обыкновенно на это слѣдовалъ письменный или словесный отвѣтъ, что перевести грамоты некому, и нѣкоторыя грамоты, какъ упомянутыя выше монгольскія записки Чокура 1642 г. или письма Сэнгэ 1667 г., такъ и остались не прочитанными.

Только въ 1679 г. Посольскій приказъ обзавелся переводчикомъ «мунгальскаго и калмыцкаго»: имъ былъ шляхтичъ Павелъ Ивановичъ Кудвинскій, который въ сохранившейся его автобиографіи («скаска») 1696 г.³ именуется «переводчикомъ калмыцкаго и мунгальскаго и тангутскаго писма». Онъ служилъ первоначально въ Сибири — въ Томскѣ и Тобольскѣ «во дворянехъ съ своею братьею шляхтою», дважды ѣздилъ въ ойратскія кочевья, «переводилъ всякие калмыцкіе и мунгальскіе государьскіе дѣла лѣтъ съ 15» и состоялъ переводчикомъ Посольскаго приказа (съ жалованьемъ въ 40 р. въ годъ и съ поденнымъ кормомъ 5 алтынъ въ день)

¹ С. А. Бѣлокуровъ, О Посольскомъ приказѣ (Москва, 1906), стр. 53—55 и 131—152.

² Изъ Казанскаго Двѣрна поступали неоднократныя просьбы о присылкѣ толмачей для встрѣчи калмыцкихъ посланцовъ. (Токмаковъ. Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Казанской г., Тр. IV Арх. Сѣзда, II, стр. 283—286, №№ 7, 10, 35, 42).

³ Бѣлокуровъ, loc. cit., стр. 147—150.

еще въ 1696 г.¹ Наряду съ нимъ въ томъ же 1696 г. упоминается и толмачъ калмыцкаго языка Семень Ивановъ².

Въ концѣ XVII в. встрѣчаются упоминанія о переводчикахъ калмыцкаго языка и въ Сибирскомъ приказѣ. Именно въ столбцѣ 927 этого приказа, содержащемъ переписку за 1696 г., названы два переводчика: Ѳедотъ Мунгаловъ и Ѳедотъ Ивановъ, изъ которыхъ первый оказался въ состояніи написать по-калмыцки отвѣтную грамоту Цэванъ-Рабтану—это, повидному, первый случай, когда русскій дворъ воспользовался для отвѣта калмыцкимъ языкомъ вмѣсто татарскаго.

Изъ дѣятелей первой половины XVIII ст. заслуживаетъ особаго упоминанія ассессоръ (потомъ секретарь и совѣтникъ) Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Василій Бакунинъ, хорошо знавшій, какъ уже упомянуто выше, калмыцкій и монгольскій языки. Занимая болѣе высокое, чѣмъ переводчикъ, положеніе, онъ однако обыкновенно провѣрялъ переводы и даже самъ переводилъ, и слѣды его работы встрѣчаются во многихъ дѣлахъ, особенно касающихся ойратскихъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ Россію въ 1733 г. съ маіоромъ Угримовымъ³.

Перечисленные выше документы въ соответствующихъ приказахъ склеивались между собою, въ болѣе или менѣе правильномъ хронологическомъ порядкѣ, такимъ образомъ, что образовывали по разнымъ предметамъ такъ называемые столбцы («столпы» или «столпикъ») въ зависимости отъ объема, которымъ давались особыя названія.

Однако въ Моск. Гл. Archivѣ М. Ин. Д. столбцы по ойратскимъ дѣламъ въ своемъ первоначальномъ видѣ не сохранились. Входившія въ ихъ составъ бумаги были расклеены, повидному, въ концѣ XVIII или началѣ XIX ст. при тогдашнемъ директорѣ архива Н. Н. Бантышъ-Каменскомъ и изъ нихъ образованы новыя «дѣла» («столбцы»), ближе соответствующія современному понятію канцелярскихъ «дѣлъ». Они были сшиты съ лѣваго края и заключены въ обложки, которыя были снабжены новыми заголовками. При

¹ Ibid., стр. 132, 148, 150; ср. А. Любимовъ. Нѣкоторые манджурскіе документы изъ исторіи русско-китайскихъ сношеній въ XVII вѣкѣ (З. В. О., XXI, стр. 70—71); въ архивныхъ дѣлахъ имѣется много переводовъ, подписанныхъ Кульвинскимъ.

² Бѣлокуровъ, стр. 135.

³ О Бакунинѣ см. П. Поповъ. Татищевъ и его время, гл. V; Бантышъ-Каменскій. Диплом. собр. дѣлъ, стр. 546; Краткая исторія калмыцкихъ хановъ по «Калмыц. хрестоматіи» А. Позднѣва (стр. 14—17). Бакунину принадлежитъ извѣстный трудъ: «Описаніе калмыцкихъ народовъ, а особливо изъ нихъ торгоутскаго и поступокъ ихъ хановъ и владѣльцевъ», 1 часть котораго была окончена 5 іюля 1761 г., при чемъ рассказъ доведенъ до конца 1735 г.; успѣлъ ли Бакунинъ написать продолженіе, неизвѣстно. Списки 1 части имѣются въ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д. (калм. книга № 1) и въ Росс. Публичной Библ. (Погод., № 1816). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Бакунинъ причастенъ и къ старому русскому переводу монголо-ойратскихъ законовъ 1640 г.

этомъ архивистъ, въ виду большого объема большинства прежнихъ столбцовъ, имѣлъ, очевидно, цѣлью образовать, для удобства пользованія, большее количество дѣлъ съ тѣмъ, чтобы по каждому вопросу, даже мелкому, или по тому или иному году имѣлось особое дѣло; для этого опъ перѣдко не оставивался передъ заключеніемъ въ особую обложку даже одного какого-либо документа¹.

Къ сожалѣнію, эта операція была произведена не безъ цѣлаго ряда промаховъ.

Въ литературѣ уже указывалось на неудобство простого расклепанія столбцовъ, такъ какъ этимъ затрудняется чтеніе резолюцій, часто писавшихся именно по склейкамъ². Дѣло осложнилось еще тѣмъ, что при массѣ документовъ и частей ихъ многіе листы были перепутаны, попали случайно въ разныя не подходящія обложки или даже совершенно затерялись³. При группировкѣ бумагъ въ дѣла не всегда выдерживался опредѣленный принципъ: хронологическій или предметный⁴. По недостаточному знакомству съ предметомъ архивистъ впадалъ иногда въ заблужденіе отъ сходства именъ, объединяя въ одно дѣло разнородные документы⁵; наблюдаются и обратныя явленія. Обозначеніе даты дѣлъ производилось перѣдко по первому числу, попавшемуся въ глаза въ собранныхъ для дѣла документахъ; иногда встрѣчаются и необъяснимыя, видимо, случайныя ошибки въ этомъ отношеніи⁶.

Перетасовывая документы по новымъ дѣламъ, архивистъ не отмѣчалъ,

¹ Листы въ свое время не были пронумерованы; они обыкновенно нумеруются только теперь при выдачѣ ихъ на руки для занятій.

² Оглоблинъ. Обзорніе, III, стр. 5; все, что говорить Оглоблинъ объ Арх. М. Ю., применимо и къ данному случаю.

³ Характерный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ мунг. дѣло 1667 г., № 3, содержащее интересный статейный списокъ П. Кульвинскаго; въ немъ не имѣется начальныхъ листовъ, а средніе сохранившіеся совершенно перепутаны, такъ что читать листы нужно въ слѣдующемъ порядкѣ: 8, 11, 12, 2, 3, 7, 1, 6, 5, 9, 10, 4.

⁴ Въ калмыцкихъ дѣлахъ отсутствіе единого принципа ощущается особенно сильно.

⁵ Подобная ошибка произошла съ документами посольства Батуръ-хунтайджія 1647 г. Въ этотъ году въ Москву прибыли Ноядъи «съ товарищи» (Сырянъ, Долги Кулай и Ицолой), изъ коихъ Ноядъи или лицо со сходнымъ именемъ приѣзжало также и въ 1640 г. вмѣстѣ съ Урускаемъ. Архивистъ, руководствуясь сходствомъ именъ, объединилъ бумаги, относящіяся къ этимъ различнымъ посольствамъ, въ одно дѣло (Зюнг. или Контайш. 1640 апр.—1647 март. 5), не обративъ вниманія на то, что въ промежуткѣ между ними въ Москвѣ было въ 1645 г. особое посольство Чюна и Сыряна. Съ другой стороны, онъ образовалъ особое дѣло изъ одного только обрывка наказной памяти приставу посольства 1647 г. (калм. дѣло 1647 г.). Такимъ образомъ обрывокъ имѣющаго небольшое значеніе документа фигурируетъ въ качествѣ самостоятельнаго дѣла, а основные документы скрыты въ совершенно не подходящемъ дѣлѣ.

⁶ Особенно характерный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ дѣло объ упомянутомъ посольствѣ Чюна и Сыряна (Зюнг. или контайш. дѣло 1645 г.). На немъ архивистъ, по очевидной ошибкѣ, поставилъ 1665 г. и подъ этою датой оно попало въ реестры Архива, а оттуда въ труды М. П. Пущило. Указатель дѣламъ и рукописямъ, стр. 36, и И. Щеглова. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири (Иркутскъ, 1884), стр. 118. Теперь эта ошибка въ Архивѣ исправлена.

изъ какихъ старыхъ столбцовъ они взяты, и даже большею частью уничтожали старыя наименованія столбцовъ; ихъ можно только изрѣдка и случайно усмотрѣть на оборотной сторонѣ документовъ, видимо находившихся ранѣе въ концѣ старыхъ столбцовъ. Между тѣмъ въ текстѣ документовъ нерѣдко попадаются ссылки на столбцы; имѣются «росписи» столбцовъ какъ частныя (напр., пересылавшихся изъ одного приказа въ другой)¹, такъ и общія по цѣлому архиву.

Несмотря на всѣ указанные недочеты, трудъ архивиста нельзя считать потраченнымъ напрасну, и въ образованныхъ имъ серіяхъ новыхъ дѣлъ можно разбираться безъ особаго труда.

Новыя дѣла были разбиты на серіи «по государствамъ», согласно принятому въ архивѣ порядку, при чемъ дѣла по сношеніямъ съ различными монгольскими племенами оказались разбитыми на 4 серіи: калмыцкія, зюнгорскія (или контайшинскія), мунгальскія и бурятскія. Однако при распредѣленіи дѣлъ по этимъ группамъ также не обошлось безъ существенныхъ промаховъ.

Камнемъ преткновенія оказался терминъ «калмыки», обычно примѣняемый въ документахъ ко всѣмъ ойратскимъ племенамъ, какъ къ собственнымъ калмыкамъ, разселившимся въ бассейнахъ рѣкъ Янка (Урала), Волги и Дона, такъ и къ ойратамъ Джунгаріи и Сибири². Рѣже ойраты именуется зюнгорцами или зенгорцами, т. е. зюнгарами (джунгарами) по имени главенствовавшего въ то время ойратскаго племени, во главѣ котораго стояли хунтайджи (контайши), или просто мунгалами такъ же, какъ и собственные (восточные) монголы. Разобраться въ этихъ особенностяхъ терминологіи архивисту не удалось и ойратскія дѣла онъ одинаково легко включалъ и въ калмыцкія и въ зюнгорскія и въ мунгальскія.

По всѣмъ этимъ группамъ дѣлъ были составлены большею частью самимъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ спеціальныя реестры³. Вотъ ихъ заголовки.

1) Реестръ калмыцкимъ дѣламъ, учиненный дѣйств. ст. совѣтникомъ Н. Бантышъ-Каменскимъ съ 1 марта—8 ноября 1806 г. (переплетенная рукопись in folio, 603 стр., имѣетъ два отдѣла: а) переплетенныя книги за время 1630—1683 гг. и б) столбцы 1616—1781 гг.).

2) Реестръ калмыцкимъ дѣламъ первой присылки, доставленной изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Московскій Главный Архивъ въ 1828 гг.

¹ Частныя росписи имѣются, напр., въ кит. дѣлѣ 1681, сент. 11, въ калм. дѣлахъ 1684, генв. 14 и 1710, № 4, февр. 9.

² Въ отличіе отъ телегутовъ (телеутовъ), именовавшихся бѣлыми калмыками, ойраты часто назывались черными калмыками.

³ Ср. Н. Бантышъ-Каменскій. Дипломатическое собраніе дѣлъ, стр. VIII.

(рукопись безъ переплета, перечисляетъ 37 книгъ за время 1723—1773 г.).

3) Реестръ калмыцкимъ дѣламъ второй присылки, доставленной изъ Спб. Главнаго Архива въ Московскій Главный Архивъ въ 1837 г. (рукопись безъ переплета, содержитъ перечень дѣлъ 1756—1800 гг.).

4) Реестръ калмыцкимъ шертнымъ грамотамъ 1801 г. (болѣе полный заголовокъ передъ текстомъ: «Реестръ калмыцкимъ записямъ или шертнымъ грамотамъ, сочиненъ капц. сов. А. Малиновскимъ») — содержитъ 19 нумеровъ съ 1618 по 1757 г.

5) Реестръ зюнгорскимъ или контайшянскимъ дѣламъ, учиненный д. с. с. и кавалеромъ Николаемъ Бантышъ-Каменскимъ 1805 года (переплетенная рукопись, содержитъ дѣла съ 1639 по 1765 г.).

6) Реестръ зюнгорскимъ дѣламъ первой присылки, доставленной изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Московскій Главный Архивъ въ 1828 году (рукопись съ перечнемъ одного дѣла 1744—1756 гг. и книги съ 3 дѣлами 1762—1773 гг.).

7) Реестръ дѣламъ мунгальскихъ калмыкъ, учиненный д. с. с. и кавалеромъ Николаемъ Бантышъ-Каменскимъ 1807 г. (переплетенная рукопись, 44 стр., содержитъ перечень дѣлъ съ 1608 по 1765 г.).

8) Реестръ монгольскимъ дѣламъ первой присылки, доставленной изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Московскій Главный Архивъ въ 1828 г. (Рукопись съ перечнемъ 2 дѣлъ 1730—31 и 1755 гг.).

9) Реестръ мунгальскихъ трактатамъ 1801 г. (болѣе полный заголовокъ передъ текстомъ: «Реестръ договорамъ съ Мунгальскими царями и ханами о подданствѣ ихъ Россійской Державѣ сочиненъ 1801 г. Канцеляріи совѣтникомъ Алексѣемъ Малиновскимъ») (Рукопись съ перечнемъ изъ 12 пунктовъ).

10) Реестръ бурятскимъ дѣламъ первой присылки, доставленной изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Московскій Главный Архивъ въ 1828 г. (рукопись съ перечнемъ дѣлъ за время 1762—1770 гг.)¹.

Необходимо еще имѣть въ виду, что документы по сношеніямъ Россіи съ ойратами находятся также въ дѣлахъ Архива, посвященныхъ народамъ, съ которыми ойраты приходили въ соприкосновеніе, а именно въ

---

¹ Указанные реестры основныхъ дѣлъ, а равно дѣлъ, присланныхъ въ Москву изъ Петербурга въ 1828 и 1837 гг., до сихъ поръ полностью не изданы. Краткія выборки изъ этихъ (а равно другихъ) реестровъ помѣщены въ упомянутыхъ выше трудахъ М. П. Пущило и И. Ф. Токмакова. Для III Съезда ориенталистовъ въ Спб. Архивомъ были изготовлены краткіе указатели дѣлъ Архива, относящихся къ Востоку, но они не были напечатаны въ Трдахъ Съезда, что вызвало нареканія со стороны администраціи Архива (Труды III Международнаго Съезда ориенталистовъ въ Спб., 1876, т. I, стр. LXXXI—LXXXII; Сборникъ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., вып. I, стр. 210; вып. II, стр. 147).

дѣлахъ китайскихъ¹, киргизъ-кайсацкихъ, башкирскихъ, едиссанскихъ, ногайскихъ, сальтанаульскихъ, кара-калпацкихъ, бухарскихъ, татарскихъ, сибирскихъ и даже персидскихъ², а равно въ разрядныхъ дѣлахъ³.

Въ виду отмѣченныхъ недочетовъ въ образованіи 4 специальныхъ монгольскихъ группъ требуется пересоставленіе посвященныхъ имъ реестровъ. При этомъ можно было бы сохранить 4 группы, но съ тѣмъ, чтобы къ калмыцкой группѣ были отнесены дѣла лишь собственныхъ калмыковъ съ того момента, когда они болѣе или менѣе опредѣленно отдѣлились отъ остальныхъ ойратскихъ племенъ и стали жить самостоятельною жизнью въ нынѣшней юго-восточной Россіи. Такимъ моментомъ можно было бы избрать смерть ихъ главы Урлюка (Хо-Орлюка) въ 1644 г. Соответственно этому въ зюнгорскую или контайшинскую группу, съ переименованіемъ ея въ ойратскую, подлежали бы отнесенію почти всѣ калмыцкія дѣла примѣрно до 1645 г., а также касающіяся ойратовъ Джунгаріи и Сибири дѣла изъ числа калмыцкихъ послѣ 1645 г. и изъ мунгальскихъ.

Иными словами, дѣло сводится къ существенному дополненію перечня ойратскихъ (по нынѣшней терминологіи—зюнгорскихъ или контайшинскихъ) дѣлъ, при томъ главнымъ образомъ за XVII в., такъ какъ именно за этотъ періодъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ допущено больше всего ошибокъ⁴.

Иное положеніе вещей мы находимъ въ Моск. Архивѣ Министертства Юстиціи, гдѣ сосредоточены дѣла Сибирскаго приказа. Вслѣдъ за окончательнымъ его упраздненіемъ начались заботы правительства о приведеніи этихъ дѣлъ въ порядокъ, и въ 1766 г. къ этому дѣлу былъ привлеченъ Г. Ф. Миллеръ, но послѣдній занимался имъ недолго—только въ 1768 г.⁵ Последнею мѣрою правительства было учрежденіе въ 1835 г. Особого Комитета для разбора дѣлъ названнаго приказа, но здѣсь не было предпринято полнаго реформированія ихъ, какъ это сдѣлалъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Благодаря этому столбцы и книги Сибирскаго приказа дошли до насъ, въ общемъ, повидимому, въ первоначальномъ составѣ. Болѣе 300 столбцовъ были расклеены, весьма тщательно переплетены и перенумерованы, всѣ же остальные остаются по прежнему сверпутыми, но склейки въ большинствѣ случаевъ распустились и бумаги перепутались⁶. По сравненію со

¹ Извлеченія изъ китайскихъ дѣлъ сдѣлалъ Н. Бантышъ-Каменскій.

² Какъ отмѣчено выше, въ персидскихъ дѣлахъ найдены свѣдѣнія объ ойратахъ Н. Н. Веселовскимъ.

³ Многія разрядныя дѣла, касающіяся калмыковъ, перечисляетъ И. О. Токмаковъ.

⁴ Составленный согласно изложенному списокъ ойратскихъ дѣлъ Моск. Гл. Архива Мин. Ин. Д., съ включеніемъ въ него столбцовъ и дѣлъ другихъ Московскихъ архивовъ, мною будетъ изданъ особо.

⁵ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., портфель Миллера № 389, I, тетр. 3, № 1 (Ср. Пуццило. Указатель дѣламъ и рукописямъ, стр. 89). Ср. Пекарскій, loc. cit., стр. 396.

⁶ Оглоблинъ. Обзорѣніе, I, стр. 13.

столбцами Посольскаго приказа обращаютъ на себя вниманіе два обстоятельства, по крайней мѣрѣ поскольку дѣло касается столбцовъ съ документами по сношеніямъ съ ойратами. Прежде всего составъ столбцовъ по содержанию очень разнородный; столбцовъ, посвященныхъ спеціально ойратамъ, немного; таковъ, напр., столбецъ 455 (6499). Въ другихъ ойратскіе документы чередуются безъ всякой системы то съ документами о доставкѣ ясачной и поминочной рухляди (ст. 1180), то съ росписями отправленныхъ въ Москву отписокъ, то съ документами о тяжеломъ положеніи сибирскихъ служилыхъ людей (ст. 656). Затѣмъ, на столбцахъ въ рѣдкихъ случаяхъ можно разыскать старые заголовки. Они снабжены лишь ярлыками Комитета 1835 г. съ указаніемъ царствованія, года (далеко не всегда точнаго) и характера документовъ (всегда суммарно и неточно: въ родѣ «челобитныя» на ст. 455).

Всѣ сохранившіяся книги стараго времени—въ хорошемъ состояніи.

Въ архивѣ для столбцовъ и книгъ имѣются краткія описи, но онѣ, повидимому, за отсутствіемъ старыхъ заголовковъ, были составлены заново и настолько неудовлетворительно, что, кромѣ времени, не даютъ никакого представленія о содержаніи столбцовъ¹. Такъ, напр., часто цигированный здѣсь ст. 455 (6499), сплошь посвященный сношеніямъ съ ойратами и ихъ сосѣдями, занесенъ въ опись такимъ образомъ: «7162 г. Сибирскаго приказа о разныхъ дѣлахъ отписки въ Сибирь, черные отпуски грамотамъ».

Данный недостатокъ восполняется однако обширнымъ трудомъ Н. Н. Оглоблина, который здѣсь цитируется неоднократно: «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.)»². Въ этомъ изданіи имѣются отдѣлы, трактующіе спеціально о дѣлахъ Сибирскаго приказа, касающихся ойратовъ и ихъ сосѣдей. Они раздѣлены на 3 группы: посольскія дѣла³, ратныя дѣла⁴ и посольскіе статейные списки⁵, при чемъ, согласно плану всего труда, авторъ, кромѣ общаго обозрѣнія, даетъ и указатели (перечни) соотвѣствующихъ столбцовъ (18 посольскихъ и 2 ратныхъ объ ойратахъ). Не задаваясь цѣлью входить въ разборъ этого чрезвычайно полезнаго труда, слѣдуетъ однако отмѣтить, что, поскольку рѣчь идетъ объ ойратскихъ дѣлахъ, указатели ихъ не имѣютъ исчерпывающаго характера. Такъ, къ 2 ратнымъ столбцамъ (№№ 656 и 886) нужно прибавить еще ст. 3 (6047),

¹ Оглоблинъ. Обозрѣніе, I, стр. 14.

² Этотъ трудъ, состоящій изъ 4 частей, появился въ «Чтеніяхъ въ И. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1895, 1898, 1900, 1901 гг., а также отдѣльнымъ изданіемъ.

³ Оглоблинъ. Обозрѣніе, III, стр. 40—41 и 271—272.

⁴ Ibid. Обозрѣніе, III, стр. 37—40 и 271.

⁵ Ibid., I, стр. 211—215.

а къ 18 посольскимъ — столбецъ 354 (6398) и книгу 11, обзоръ документовъ которой дается авторомъ въ другомъ мѣстѣ¹. Кроме того, авторъ специально не отмѣчаетъ, что «посольскіе» и «ратные» документы попадаются еще въ цѣломъ рядѣ дѣлъ, не поименованныхъ въ соответствующихъ указателяхъ. Можно отмѣтить пропуски и другого характера: перечисляя древнѣйшія грамоты, онъ не указываетъ самой древней изъ нихъ, именно упомянутой выше грамоты отъ 26 іюня 1595 (7103) г., хотя и говоритъ объ ней въ иномъ мѣстѣ, но менѣе подходящемъ².

Вообще для обнаруженія всѣхъ ойратскихъ документовъ въ Архивѣ М. Ю. нужно, не ограничиваясь составленными Н. Н. Оглоблинымъ указателями и разбросанными по всей книгѣ случайными ссылками, произвести еще дополнительные самостоятельные розыски.

Въ Общемъ Архивѣ М. Имп. Д. мнѣ по разнымъ причинамъ не пришлось поработать, но для него имѣются обстоятельныя описанія А. Е. Викторова и А. И. Успенскаго, въ которыхъ попадаютъ указанія и на содержащіяся въ архивѣ ойратскія дѣла. Наиболѣе цѣнными изъ нихъ являются расходныя посольскія книги Казеннаго приказа, среди коихъ четыре касаются и ойратовъ (годы 1624, 1643, 1649 и 1663)³.

Таковы матеріалы по сношеніямъ Россіи съ ойратами въ Московскихъ архивахъ и то, что сдѣлано для облегченія пользованія ими. Во всѣхъ архивахъ еще предстоитъ много работы для достиженія даже предварительной цѣли—приведенія въ должную извѣстность ойратскихъ документовъ. Ту же работу необходимо произвести и въ провинціальныхъ архивахъ. Слѣдующей стадіей работы должно явиться изданіе всѣхъ имѣющихся то или иное значеніе документовъ въ систематическомъ видѣ, по примѣру того, что дѣлалось Академіею Наукъ (подъ редакціею В. В. Вельяминова-Зернова) для Крымскаго ханства и (подъ редакціею Г. А. Эзова) для Армянскаго царства, Русскимъ Археологическимъ Обществомъ (подъ редакціею Н. И. Веселовскаго) для Персіи, Русскимъ Историческимъ Обществомъ (подъ редакціею Г. О. Карпова и Г. О. Штендмана) для Крымской и Ногайской ордъ, Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ (подъ редакціею С. А. Бѣлокурова) для Грузіи и вообще Кавказа и др. Только при подобной постановкѣ можно будетъ предпринять съ достаточною доказательностью обзоръ послѣдняго возвышенія ойратовъ въ XVII и XVIII вв.

¹ Ibid., III, стр. 220—224.

² Ibid., IV, стр. 30; ср. III, стр. 220 и 252.

³ А. Викторовъ. Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ 1584—1725. Вып. I (Москва, 1877), отд. VII, №№ 337, 344, 346 и 354. О трудѣ А. И. Успенскаго, «Столбцы бывшаго Архива Оружейной Палаты», см. выше, стр. 1078.

или по крайней мѣрѣ пересмотръ того, что сдѣлано въ XVIII ст. Миллеромъ и Фишеромъ на основаніи документовъ сибирскихъ архивовъ и въ XIX—XX вв. разными изслѣдователями по китайскимъ, манджурскимъ, монгольскимъ и мусульманскимъ источникамъ. Тогда разъясняются многіе спорные вопросы изъ исторіи ойратовъ. Причины широкаго расселенія ихъ съ начала XVII в., роль отдѣльныхъ вождей въ дѣлѣ усиленія ихъ могущества, событія темнаго періода послѣ смерти Батуръ-хунтайджія до упроченія власти Галданъ-хунтайджія, основные мотивы ойратской политики въ отношеніи Россіи въ противоположность ихъ отношеніямъ къ Пекинскому правительству, цѣли и задачи Русскаго правительства въ его сношеніяхъ съ ойратскими племенами, — все это предстанетъ освѣщеннымъ новыми документальными данными.
